

Евгений Иванов

ПАТЕТИЧЕСКАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Патетическая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Иванов Е.

Патетическая / Е. Иванов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0146-3

Повесть рассказывает о человеке по имени Фатос, который стремится уничтожить природу на просторах России, где природа разговаривает! Никита, с кем ведёт своё противостояние Фатос, оказывается по его вине в глубоких и серьёзных приключениях на пути к победе. Он встретит Афродиту, свою будущую жену; окажется во Франции, где великолепная красота будет ему сподручицей; найдёт силу в музыке; а огромный хрустальный орёл будет его верным спутником от самого древнего и великого Египта, в котором произойдут ужасные, таинственные и мистические вещи. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0146-3

© Иванов Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Παθητικός	5
Глава 1. Φαγος.	5
Глава 2. Πυραμίδα	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Παθητικός

Глава 1. Фатос.

Зелёный вечер. Ветер был холодным. Фатос стоял молча и смотрел на обычный частный дом, в котором горел свет, и было видно, что сейчас хозяева дома. Он опустился на колени и начал водить пальцами по траве. Она была грязной и чистой, свежей и зелёной. Встанешь на неё ногой, почувствует ли она? Начнёшь её срывать, поймёт ли? Никита думал что да – почувствует, поймёт, если её сорвать. Фатос думал также. Его рука блестела, как хрусталь на солнце, когда он прикасался к траве.

Фатос смотрел на дом, ветер был тёплым. Он сорвал травинку.

Никита вышел на улицу – было темно и прохладно – прошёл по нескошенной траве и увидел следы, но не обуви, а то, что небольшой участок травы был в пепле, будто на нём жгли костёр. Никита знал, кто это был.

Он вернулся в дом, родители спали. Войдя в свою комнату, он переоделся. Это было чёрное пальто и того же цвета классические брюки, шарф тоже – всегда чёрный. Два раза побрызгался духами Chanel Blue, хотя остальным хватает одного брызга. Лёг на кровать полностью одетым, надел беспроводные наушники Sennheiser и включил музыку английской группы Radiohead.

Проснувшись (время было двенадцать ночи), он снял наушники и вышел из дома, не попрощавшись с родителями. Направился в лес.

– Дитрих, выйди! – крикнул Ник посреди леса.

На деревьях были видны сквозь ночь – глаза. Они светились, как звёзды в небе. Застучали барабаны, Ник мог пошевелиться только краем глаза. Послышалась арфа. Играла на ней некая девушка в ослепительно-белом платье. Когда она играла, то спускалась с высоты деревьев, с самых макушек вниз на землю. По мере того как она стройно играла, опускалась всё ниже – медленно. И когда приблизилась к Никите, по мере того как её объял страх, цвет платья изменился – стал зелёным.

– Твои глаза, как изумруды, – сказала она ему, будучи слепой.

“Как и твои, милая”, – язвительно подумал он, а потом сказал ей:

– Здравствуй, Афродита.

– Здравствуй, мой прелестный друг, – сказала она медленно и ласково.

Из её руки появился огонь, а другой она взяла его как дама и повела к арфе. Они остановились.

– Играть я не могу. И как же нам теперь подняться снова вверх, если сейчас я держу в одной руке тебя, а в другой огонь? Потушу огонь, и мы не увидим пути. Отпущу тебя, и не было смысла тебе приходить.

– Да. Я понял, – ответил Никита, начав думать.

Но Афродита понимала, что он – ничто, и не сможет ничего придумать и как-либо помочь. Этот сопляк – никто для неё.

– Будешь сам играть, – сказала она.

– Но я не умею, – ответил Ник.

– Суть не в этом, а в том, чтобы сделать мне приятно. Но не как лев своим жертвам, – сказала она и прозрела.

Глаза её были, словно алмазы, и буквально излучали такой свет, какой излучает алмаз от солнечных лучей. Никита полностью после этого света ослеп. Он просто ахуел.

– Итак, играй слепым, – сказала ласково и слишком приятно Афродита, очень сильно этим его мучая. Пытаясь найти струны, она направила его руки. От неё пахло итальянскими духами. Своими нежнейшими руками она прикоснулась к его рукам и направляла их. Он играл совсем нескладно, но под её руководством арфа издавала слаженные звуки. И они поднялись вверх.

Цвет платья у неё поменялся – стал полностью чёрным. Никита прозрел, но под глазами остались какие-то пятна.

Афродита сказала:

– Мы знаем, куда ты идёшь и рады помочь. Возьми этот стебель и отправляйся.

Джуна и Гитра – две сестры. На этот раз путь молодого Никиты лежал к ним. Они жили неподалёку от башни и тёмного леса, на окраине, где тихо и спокойно можно творить сокровенное, словно ребёночек, который кушает малинку, ведь никто не знает, что он в этот момент сделает дальше.

Подойдя к их дому в стиле элегантного минимализма, где одни только стёкла и современные технологии, Ник постучал. Открыла дверь Джуна. Её ноги были, как две дуги по несколько метров, так же и руки, голова – единственное, что скрепляло их. Не было живота или там бёдер, лишь тонкие в несколько сантиметров руки, так же и ноги, а посередине – голова. Казалось, что руки – это волосы, а в другой момент, что ноги. Эмоции тут были непонятны. Она молчала, но мягким движением руки пригласила его в дом, его коснулась будто тонкая и мягкая веточка. Гитра готовила еду, но странным способом – она купалась в кастрюле. Гитра была поменьше сестры и, буквально плавая в кастрюле, обвивая морковь, она таким образом её резала и далее подобными способами готовила обед. Никита дал ей стебель и Гитра его приготовила.

Все трое сели за стол, но теперь это были обычные человеческие фигуры вместо тех. Они смотрели в упор друг на друга весьма близко, сидя за столом, и чем ближе и дольше они смотрели друг на друга, тем сильнее глаза искажали пространство – время могло замедлиться или свет поменять перспективу. Никита смотрел в тарелку и кушал. Вдруг они громко, пока Ник кушал, заговорили. Их глаза сделались чёрные, словно мрак, кристаллы.

– Найдём в тебе мы три ответа. Один – закажем для обеда; другой – отыщем для приметы и будем радоваться смеху; четвёртый – мы не знаем; последний – третий, как комета, он хочет вырваться наружу и к Афродите путь найти.

Никита был в страхе и некотором трепете и задал свой вопрос:

– Я ищу один вход и выход в башню?

– Так, вход иль выход ищешь? – спросили громогласно две сестры.

– Вход, – ответил Ник.

– Тогда познал ты горечь поражения: убьёшь воинствующую леди и сможешь ясно видеть цели.

Ник был рад, он отправился в путь к башне.

Проходя мимо тёмного леса, его мысли слегка касались Афродиты.

Башня. Ник остепенил шаг, он прошёл мимо существа, которое стояло тут уже несколько сотен лет и непонятно чего искало – либо свободы, либо рабства. Подойдя близко к башне, он увидел птицу, вроде бы чайку, которая весьма сильно кричала, по-своему – по-птичьи. Видимо, птица потеряла своих птенцов. Она была хрупкой и лёгкой, словно роман Джейн Остен. Увидев Никиту, она ринулась на землю и, когда почти коснулась ее, то превратилась в человека. Став, как женщина, она свирепо направилась к Никите, на ней был шарф – алый, а меч был настолько крепок, насколько много проливал крови.

– Остановись! – крикнул ей Ник.

Он видел, что она в отчаянии, но не мог ничего поделать.

Медленно и тихо подлетел орёл и пленил её. Она бросила меч и упала на колени – плача. Он взлетел вверх, как можно выше – словно до облаков, и ринулся в свободном падении на

неимоверной скорости в эту птицу-женщину. Он резко и бодро встал и направился в башню с мыслью: “Учи дабстеп, сука”.

Башня была, как небоскрёбы в Чикаго. Только там происходит обычно что-то человеческое, а тут – нечеловеческое.

Никита вошёл в один вход, где был один выход, и это – не стол акушера. Это была тёмная башня, в которую он вошёл с “ноги”, чуть не выбив при этом дверь, как Эйнштейн или Кант, только те её тихонько, медленно так приоткрывали, а Ники чуть не выбил её, словно Тайсон – зубы сопернику.

Он шёл медленно, спокойно, в коридоре царила мёртвая тишина. Прислуга его не встретила, разберётся потом. Из главной кухни были слышны голоса, явно там было очень шумно. Когда он вошёл, некий тип играл на гитаре очень как-то живо, бодро. Королева четырёх источников была за главную, её власть простиралась на бескрайние просторы жизни, она повелевала дыханием природы и оттенками молний. Ник не снимал пальто и прямо в нём сел за стол. Он думал о том, кто испортил траву возле его дома, в тот день, когда он просто вышел на улицу, чтобы подышать вечерним воздухом и пережить свои взлёты и падения, но некто захотел бросить ему вызов. Что ж, да начнётся игра!

Все его любезно поприветствовали. Справа от него сидел его брат, у него был текстильный магазин, а слева – молодая девушка, принцесса потайных дверей. У неё был ключ ото всех дверей, не только потайных. Когда-то давно Ник искал воздух для змей и ящериц, и она ему очень сильно помогла. Королева слегка провела рукой, и цветы на столе повелевали пчёлами – заиграл пчелиный живой танец, было очень весело. Королева любовалась не пчёлами, а взглядами! Тринадцать Пфаров из глубин веков хлопали дружно и смеялись, как дети малые. Пфар – это странник. Четыре высоких человека, но с кровью отнюдь не человеческой, сидели с холодными лицами, элегантно и грациозно повелевая водой. Их напиток – небесный – вино. Говорят, что если кто-то разбавляет вино, они хоронят его не на общем кладбище, а в теплице мёртвых или в колодезе живых, кто готов пить воду, даже если в ней человеческая душа. Ещё двое – простой садовник и философ, а иногда гувернант или наоборот.

Королева, которая была его матерью, попросила принцессу как-то развлечь Ника, и она с полной покорностью начала выполнять её просьбу.

– Ники, что у тебя нового? Как ты поживаешь? Ну-ка, расскажи мне, – обратилась к нему сестра с искренней вежливостью.

– Всё отлично. Я жду.

– Кого ты ждёшь, братец?

– Его.

– Пусть! Он подождёт! А ты ответь, чем дышишь? Чем ты украшен и чем слеп? – сказала сестра.

– Твоими мыслями и миром, что Афродита породила.

– Её ты любишь?

– Словно, да! – сказал Никита.

Королева, облокотившись на стол и легко подложив кисть руки под подбородок, смотрела на них. Но мрак был рядом.

Никита сидел в гостиной, слушая первую симфонию Брамса на Яндекс.Музыке, потому что вторая была капельку недотраханная, словно папа римский – первая симфония.

Когда Ник вышел в коридор, то увидел живого носорога – подарок матери.

– Мой герой, – сказала мать, крепко обнимая Никиту.

– Мам, мне не нужен носорог, – сказал Никита маме, слегка смущённый таким подарком.

– Ну, возьми, милый, радостно и приятно будет мне.

– Ну, что я буду с ним делать.

– В светлый день, что неподвластен гибели, найдёшь ты в нём отраду для гибели, – когда она ему это сказала, то коснулась его руки, и на ней появилась татуировка носорога, и она сказала:

– Твой отец ждёт тебя, время его настало.

– Ницше, как палач, что рубит головы; Кант покорно, с радостной вежливостью пришёл подставить голову. Бертран Рассел стоит и хлопает зрелищу; Шопенгауэр возбуждённо дышит, когда же палач опустит топор; Бетховен дирижирует при этом. Моцарт плачет об этом; Виктор Гюго аплодирует; Гёте смеётся. Аристотель улыбается. Моне этому делает зарисовку; Владимир Соловьёв задумывается; Шекспир пишет сонеты; Пушкин ничего не пишет; Лев Толстой скорбит; Наполеон знает, что будет дальше; Леонардо да Винчи не до этого; Ван Гог неинтересно; Мать Тереза пытается остановить это; Святитель Николай тоже, а Кант – их. Президенты и депутаты издают закон о ненасилии. Психологи ищут оправдания такому поступку. Полиция охраняет. Клоуны и шуты повторяют действия Гёте. Гуинплен грозно смотрит. Жану Вальжану плевать, – сказал свой монолог философ, а иногда гувернант.

Четверо разговорились о своём, Пфары напильсь. Никита кушал.

– Кто поёт? – Никита слышал, как кто-то поёт, но звук не прорывался, он не мог его услышать, лишь слегка ощущал. – Сука, кто поёт, я спрашиваю.

С этими словами он встал и ударил со всей силы по столу, за которым сидело множество гостей. Всех разнесло в стороны. Никиту увели и отправили в психиатрическую больницу.

Он три дня не мог пошевелиться, ужасная слабость овладела им. Место было так себе. Разные психические больные; пьяные солдаты в белой горячке, те, кто устраивал скандалы родителям, кое-кого сюда жена отправила, лишь бы на глаза не попадался. Много и других разных личностей.

Когда он встал, то понял, что пора уходить отсюда, но он не сможет выйти, пока не останется последним, пока прежде не выйдут все. Такова ловушка матери – мерзкая и подлая.

Его позвали в кабинет доктора.

Сидела женщина средних лет с милой улыбкой, серьёзная и ко всем дружелюбная. У них не было люстры.

Никита понимал, что если призовет орла или пусть даже просто приложит усилия, то разобьет ловушку тёмной башни, но он хотел их победить совершенно, а не нанести мелкий урон.

Никита купил ей люстру – иногда полезно иметь много денег, а иногда нет.

У доктора заметно улучшилось настроение. Никита знакомился со всеми, кто тут жил и болел.

Ночью играли в карты, тайно пили алкоголь, а в туалете всё было пропитано табачным дымом. Никита выпустил муравья, чтобы свалить нахер отсюда. Ебучая психушка – пизда тёмной башне!

Я должен быть в Нью-Йорке – веселиться, а не здесь, в этой психушке. Моя жизнь в Москве, на Красной площади, а не здесь.

Уже ночь. В коридоре сидели хулиганы и бандиты, настоящие убийцы и разбойники. Никита подошёл к ним. И положил травинку им на стол со своего участка. Муравей начал ползать и понимать, где он находится. Над больницей появился зелёный купол, не дававший орлу подлететь к больнице, чтобы его мать полностью проиграла.

– Слышь, ты чё кладёшь, а? – спросил некто из них, а остальные просто грубо пялились.

– Простите, позвольте я заберу? – спросил их вежливо Никита.

– У тебя в натуре крыша поехала, парень. Забирай и вали отсюда баиньки, пока мы тебя в туалете не утопили, – ответили они, рассмеявшись, а остальные снова грубым образом спрашивали, всё ли у него в порядке с головой, интересуясь его здоровьем, но он забрал травинку и ушёл.

Утром, когда все проснулись и приготовились для приёма таблеток, у каждого немного болела голова. Когда каждый получил свою порцию медикаментов, то из-за них голова стала болеть ещё сильнее. Все начали возмущаться и предъявлять претензии, почему у них так сильно болит голова.

Врач недоумевала, и вечером таблетки решили отменить! На обед, обычно такого не бывало, но сегодня появилось больше зелени, овощей, а ещё был борщ – обычно его никогда не давали.

Вечер. На улице непонятно, какая погода – в психиатрических клиниках не выпускают на свежий воздух. Никита снова подошёл к карточному столику и положил травку. Все только возмущённо глянули на него и спокойно продолжали играть дальше. Он забрал травку и пошёл спать.

Утром приёма таблеток не было, их запретили. Теперь и завтрак был с беконом и кашей с фруктами, все были удивлены этому изобилию. В зале стоял телевизор, обычно подавляющее большинство сидит у него, но не сегодня, их всех выпустили на улицу.

Вечером Никита не подходил к столу с картёжниками.

Утром, проснувшись с хорошим настроением, он заметил, как пропали тапочки, а также была ещё одна новость – подавляющее большинство пациентов выписали. Осталась пара человек: тот, кто в больнице по причине того, что сильно хотел в армию, и молодой парень, который был не в себе.

Немного поискав, он нашёл свою обувь на человеке, который оказался в больнице по причине того, что сильно хотел в армию.

– Тебе следует вернуть мою обувь, – сказал спокойно Никита.

– А если не верну? – ответил спокойно солдат.

– Тогда ты вернёшься в армию.

– И как же это произойдёт?

– Так же, как и у всех.

– А как у всех?

– Так же, как и у тебя.

– Слышь ты, что умник тут какой-то? Бля, не рисуйся передо мной здесь! – сказал строго солдат.

– Я не рисуюсь. Мою обувь верни!

– Не верну! – строго и бесповоротно заявил похититель обуви.

Началась драка. Никита и солдат Вооружённых сил Российской Федерации сцепились мощной хваткой. Никита боролся за свою любимую страну, ибо был патриотом, каких ещё поискать нужно, солдат тоже был патриотом, но не таким, как Никита. Победил тот, кому обувь принадлежала по праву, тот, кто любил свою страну! Мужики, так сказать, рассудили по-мужски.

Никита подошёл к парню, который сегодня был весьма радостен.

– Ты сколько уже в больнице? – спросил его Никита.

– Несколько месяцев.

– А как тебя зовут?

– Саша, – назвался он.

По возрасту ему было лет двадцать семь. Он встал с дивана и, как будто немного в припадке, отправился в свою палату.

Никита долго думал, но было сложно.

“Тяжёло, сука”, – мелькало у него в мыслях.

Его вызвали к врачу. Татьяна – так звали доктора, беседовала с ним, как и положено её положению, и был успех: ей удалось его вывести на открытый диалог, но взамен он попросил у неё книгу – “Ромео и Джульетту”. Вечером Никита её получил.

Больница большая. И раньше, когда в ней было много пациентов, всё было каким-то подвижным, а сейчас, когда никого нет, как-то пусто, но не для Никиты!

Он взял книгу и дал её Саше.

– Что это? Зачем? – спросил Саша беспокойно Никиту.

– Это книга. Она тебе.

После чего он взял книгу, трагедию, и начал читать.

На следующий день – утро вечера мудренее. В больнице – паника, настроение Никиты – отличное. Но он заметил шум в коридоре и встал, чтобы узнать, что произошло. Погиб Саша!

В больнице не осталась никого. И когда последнего пациента выписали, Никиту отпустили.

Глава 2. Пираміда

Когда пирамиды были воздвигаемы могуществом и властью, родители мальчика вернулись с суровой работы. Когда бездельники не правили миром; когда не знали слова – революция, но знали слово – война; когда воровали не только золото и скот, но и жизнь, любили не только богатую, но и бедную; когда ветер толкал корабли, а море их потопляло. Человек, свободный – был рабом; и “Крейцера” соната ещё не родилась.

– О, муж мой, вернулись мы с поля. Приляг, отдохни, ибо солнце и летний жар опалили кожу и кости иссохли наши. Приляг, муж мой, отдохни, милый мой, – сказала мать маленького дитя.

Она еле подняла кувшин, устав от полей и урожая, и налила мужу родниковой воды.

– Приляг, Нефертити, я буду рядом. О, жена, твои крепкие ноги. Дай мне усладиться ими, – сказал муж, глядя своей жене в глаза.

Её разрывало вожеление к нему, ревность была готова поглотить горы. Ей хотелось его всего совершенно. На ней было платье, старинное, переданное ей в третьем поколении, нежно-белое. На шее было кольцо из дерева, с позолотой. Пояс она купила на рынке, рядом с изюмом и кориандром из рук старой вдовы, чья седина была похожа на вершины гор.

Она взяла муравья и положила его на подоконник. Ревность была готова обрушить скалы.

Слегка жирные и мокрые, но ароматные волосы. Она распустила их, сняв ленточку, которую подарил ей брат – строитель в мирное время, а в суровое – воин. Они жили в Каире и Нил был их домом. Но жить им здесь не нравилось.

Она сбросила с себя платье, с ним потом нужно идти к реке, чтобы руками его постирать, и осталась полностью голой. Их стены были из песка.

Она взяла цветки розы и лилии и начала тереть ими между ног. Сначала тёрла нежно и медленно, но после всё сильнее. Пока цветок весь себя не изжил, её волосы между ног были, как наждачный камень, которым слуги гладили кирпичи или вазы – где стоят цветы фараона. Наждачный камень сделал чёрствую глину и мрамор – гладкими. Цветок розы и лилии изжил себя. Она бросила остатки цветов прямо на пол из песка, по которому они все ходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.